

А.Т. Жанисов*, У.У. Умиткалиев, С.Г. Есен

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: janissov@mail.ru; uumitkaliev@bk.ru; syrym.e@mail.ru)*

Система хозяйствования скотоводов Чингистау во второй половине XIX — начале XX веков: трансформация всаднической культуры казахов

В статье изучено хозяйственное значение Чингистауского региона для казахов-скотоводов нового времени. Описана родоплеменная структура региона, сложившаяся после повторного заселения региона казахами в постдзунгарский период. После вытеснения дзунгар обострились земельные споры между казахскими родовыми группами за право обладать Чингистау, привлекательность которого была связана с благоприятными условиями для развития здесь коневодства и овцеводства. Начиная со второй половины XIX века, в регионе стали проявляться новые формы организации хозяйственной деятельности, характеризующиеся признаками перехода к полукочевому/полуоседлому скотоводству. В это время массово строятся стационарные жилища на зимовках — кыстау. Изучение системы хозяйствования в скотоводческих объединениях и особенностей организации поселений-кыстау позволяет проследить трансформацию системы жизнеобеспечения казахского общества во второй половине XIX—начале XX вв.

Ключевые слова: казахи, скотоводы, Чингистау, Сарыарка, коневодство, овцеводство, кыстау, трансформация хозяйства, всадническая культура.

Введение

Культурный ландшафт Сарыарки включает в себя несколько локальных районов. Народная география выделяет такие ее субрегионы, как, например, Улытау, Баянаул, Каркаралы, Кокшетау и др. Каждый из этих регионов занимает свое уникальное место в историческом и культурном развитии казахского народа. Особое место в этом списке принадлежит Чингистау. Чингистауский регион, согласно народной традиции географического районирования, относится к Восточной Сарыарке. Здесь на протяжении тысячелетий формировались и развивались уникальные культуры древних металлургов, скотоводов-кочевников. В эпоху средневековья здесь доминирует культура всадников евразийских степей, а в период функционирования Казахского ханства регион является важной политико-административной и хозяйственной единицей государства.

Чингистауский регион богат на памятники историко-культурного наследия. В районе имеются сакральные локусы, вошедшие как в Общереспубликанский перечень особо охраняемых памятников, так и культурные и природные объекты регионального значения. Например, это такие объекты, как Заповедник-музей поэта-просветителя Абая Кунанбаева «Жидебай–Борили», Мавзолей Енлик–Кебек, Пещера Коныр-Аулие, Мавзолей Кенгирбай би и др. Кроме уже известных объектов историко-культурного наследия, в регионе имеется особая категория памятников, представляющих значительный научный интерес — поселения-кыстау XIX в. Организационно-технологические параметры казахских кыстау стали в последние годы изучаться на основе этноархеологического подхода [1, 2]. Большой интерес к казахским памятникам нового времени Чингистау проявляет археолог А.З. Бейсенов. В его работах изучаются топография, планиграфия и конструкция поселений Центрального Казахстана от сакского периода до этнографической современности, рассматриваются вопросы преемственности в хозяйственно-технологических решениях организации жилого пространства в кочевых обществах древности и казахов нового времени [3, 4].

В настоящей статье рассмотрены лишь основные параметры хозяйственной специализации, традиции и новшества, имевшие место во второй половине XIX—начале XX вв. В это время у населения региона стали заметны изменения в системе хозяйствования и образе жизни, характеризующиеся поступательным переходом к полукочевому, полуоседлому скотоводству.

*Автор-корреспондент. E-mail: janissov@mail.ru

Методы исследования

При рассмотрении хозяйственно-культурных параметров казахского традиционного общества определенный эвристический потенциал включает в себя понятие «система жизнеобеспечения». По мнению казахстанского этнографа Н. Алимбая, впервые использовавшего данное понятие при изучении казахского традиционного общества, оно выступает как оценочно-аналитическая категория и выражает «...причинно-следственные связи и взаимозависимость компонентов жизнеобеспечивающей структуры в разрезе их качественного состояния и количественных характеристик...» [5; 6]. Плодотворным является использование методов структурно-функциональной теории, при котором общество рассматривается как единая система, состоящая из отдельных структурных компонентов (социально-политических институтов, социальных, культурных и хозяйственных практик), несущих на себе определенную функциональную нагрузку. В нашем случае данный подход позволяет изучать экономику казахов-скотоводов как взаимосвязанную и взаимообусловленную систему хозяйственных практик, определившую характер и направленность традиционной хозяйственной деятельности казахов Чингистау. При изучении поселений-кыстау казахов рассматриваемого региона перспективным является обращение к методам этноархеологии. При этноархеологическом подходе к исследованию определенные культурно-исторические феномены, историко-культурные памятники изучаются комплексно, используются разнообразные виды источников — исторические, археологические, этнографические, экологические, социально-экономические и др. Кроме того, в основу исследования легли общенаучные методы исследования: анализ и синтез, эмпирическое доказательство. Из специально-исторических методов использованы историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы.

Результаты и обсуждение

Заселение региона. Обращение к историческим и этнографическим источникам показывает, что в новое время Чингистау был заселен преимущественно казахами рода тобыкты, относящиеся к племени аргын Среднего жуза. Данный род закрепился здесь в результате освобождения этих земель от джунгар (калмыков) во второй четверти XVIII в. Процесс заселения нашел отражение в устном наследии казахов, в котором содержится информация о развитии событий на данной территории в постджунгарский период [6; 105–107, 7; 193]. Необходимо отметить, что повторное заселение Сарыарки не было стихийным и бессистемным захватыванием вновь освобожденных земель. Казахские рода возвращались на принадлежавшие им когда-то зимние и летние пастбища. Своеобразным навигатором при этих миграционных процессах служила коллективная историческая память, а, в свою очередь, сакральная память стала основным аргументом при возникновении земельных споров между различными родовыми группами. В конце XVIII в. российские письменные источники фиксируют здесь прочно обосновавшееся объединение казахов рода тобыкты: «Волость табуклинская. Разделается на поколения: мусабай, кулун, ювантаяк, кулчи, инадак; в которой находятся во всех частях старшины... Кочевья они имеют около камня Чингистау, а в зимнее — при урочищах Кызыл-Арай. Великая, сильная и богатая волость», — пишет российский офицер, исследователь И.Г. Андреев [8; 93, 94]. Вместе с тем, несмотря на то, что уже во второй половине XVIII в. сформировалась карта расселения казахских родовых групп, споры за пастбищные угодья все еще имели место и в первой половине–середине XIX в. [9; 53–57]. Отчасти, это было связано с ограничениями на передвижения, введенные в рамках реализации административно-территориальных реформ царизма в XIX в. Так, согласно Уставу «О Сибирских киргизах» от 1822 г. каждый округ имел отведенные и разграниченные земли «и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства» [10; 93]. Если в первое время казахи и продолжали кочевать за пределы означенных округов, то со временем запретительные меры становились все более строгими, а механизмы ограничения передвижения более действенными. Это, в свою очередь, привело к реактуализации земельных споров между казахскими родами в пределах своих округов. Повышенное желание различных казахских родовых групп обладать Чингистау было вызвано тем, что здесь были благоприятные условия для круглогодичного выпаса скота. Наличие привольных пастбищ, изобилие водных источников, в сочетании с естественными природными укрытиями делали эти места привлекательными в условиях перехода к полукочевому/полуоседлому скотоводству. В этих территориальных спорах тобыкты оказались наиболее организованными и во второй половине XIX в. земли, начиная с нижнего течения р. Чаган и все отроги хр. Чингистау, окончательно отошли в пользование рода тобыкты [11; 177]. В определенной степени доминирование данного рода в регионе стало возможным благодаря стараниям родо-

правителей. Непоследнюю роль в этом деле сыграл один из влиятельных людей в казахской степи в XIX в., отец казахского поэта и просветителя Абая — Кунанбай. Кунанбай Ускенбаев возглавлял сначала Кушик-Тобыктинскую волость, а после этого в 1849 г. был избран старшим султаном Каркаралинского внешнего округа. Описательный портрет Кунанбая был представлен его современником, польским ссыльным Адольфом Янушкевичем: «Кунанбай был большой знаменитостью в степи. Сын простого киргиза, одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний Ал Корана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные, и богатые. Облеченный доверием сильного рода тобыкты, избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головой. Обо всей этой родовой владетельной аристократии можно сказать словами нашей польской пословицы: «Стоит дворец Паца, а Пац — дворца». «Белая кость» (султаны) рядом с Бараком кажется скорее серой, чем белой, а все баи (богачи) недостойны развязать шнурок на обуви Кунанбая» [12; 61–63]. В историческом романе М. Ауэзова «Путь Абая» приводится история о земельном споре, имевшем место во второй половине XIX в. между тобыктинскими поколениями ыргызбай и жигитек, который свидетельствует, что шел процесс окончательного распределения пастбищных угодий уже внутри рода тобыкты.* Спорные же земельные вопросы с другими казахскими родами (найман, уак, керей) в основном были решены к этому времени.

Система хозяйствования: видовой состав стада. Для казахов скот являлся главным материальным достоянием, мерилем благосостояния. И.Г. Андреев относительно количества скота у казахов Тобыктинской волости в конце XVIII в. указывает, что они «достаточны лошадьми и скотом» [8; 94]. У казахов данного региона, как и на всем пространстве казахской степи, на протяжении столетий превалировала система хозяйствования, основанная на традициях кочевого скотоводства. Вместе с тем, имелись локальные особенности в организации труда и в видовом составе стада. Например, верблюдоводство, выступавшее в юго-западных, южных районах Казахстана как один из продуктивных видов скотоводства, не имело широкого распространения в рассматриваемом регионе. Верблюд использовался в хозяйстве казахов Сарыарки в основном как выючное животное [13; 189].

Крупнорогатый скот разводили также в незначительном количестве: «Что касается рогатого скота, то киргизы его не очень ценят и не имеют к нему ни малейшего пристрастия. Племенной скот, из которого образовались их стада, краденный у калмыков и башкир», — писал относительно этого вида скота у кочевых казахов в конце XVIII в. член российской академической экспедиции И. Фальк [13; 192]. Увеличение доли крупнорогатого скота в хозяйстве казахов было вызвано началом перехода к полуседлости во второй половине XIX в.

Самыми продуктивными отраслями кочевого скотоводства у казахов чингистауского региона были овцеводство и коневодство. Для пребывания в зимнее время, как правило, выбирались места, удобные для выпаса овец: «Наиболее благоприятными для зимовки мелкого скота местностями признаются те, на которых при сильных ветрах снег сдувается с почвы, обнажая оставшуюся растительность» [14; 24]. Наличие удобных зимних пастбищ благоприятствовало увеличению стад овец у казахов Чингистау, поэтому в источниках указывается, что «овцеводство преобладает над всеми прочими видами скотоводства, даже взятыми в совокупности» [15; 83]. В материалах статистической экспедиции, проводившейся в степных областях в конце XIX — начале XX вв. под руководством Ф. Щербини, приводится следующая информация: «Предгорья, с которых сдувается снег, называются «Карабауырь». После него лучшую часть зимнего пастбища представляют «кунгеи», — солнечные пастбища, — расположенные на южных склонах хребтов, сопок и гор. Благодаря развитому рельефу, Чингисские горы богаты «кунгеями», и, благодаря своему расположению поперек господствующему SW ветру, дают огромные площади «карабауыровь», тянущихся вдоль главного кряжа 200 верст, и вследствие этих преимуществ Чингисские горы считаются в степи лучшими пастбищами, не знают «джута» — падежа скота от плохой зимы, почему и установилась слава за Чингисскими горами, как за пупом скотоводства: «Маль кындыгы» [15; 37].

* Известно, что М.О. Ауэзов для написания романа «Путь Абая» в течение многих лет собирал сведения у местных старожилов, в том числе и историко-этнографический материал, который он широко использовал в своем труде.

Уступая овцеводству в количественном плане, тем не менее, важную роль в традиционной системе жизнеобеспечения кочевников-скотоводов Сарыарки играло коневодство. Относительно развития коневодства у казахов Среднего жуза исследователь XIX в. А.И. Левшин пишет, что: «В северной части киргизской степи лошади крепче и многочисленнее, нежели в южной. Первая имеет более лугов и вообще изобильна ковылем, который составляет прекраснейший конский корм. В южной полосе трав мало, и жар делает лошадей часто бесплодными. Средняя орда богаче лошадьми, нежели прочие» [16; 377].

Казахские лошади были способны добывать корм при снежных отложениях до 50 см, к тому же в слабо обводненных местах, так как способны утолять жажду снегом. Вследствие этого в зимний период лошадей возможно было выпасать вдали от зимовок на летних пастбищах [17; 124]. Приспособленность казахских лошадей к добыванию подножного корма использовалась в критические периоды для облегчения доступа к траве другим видам скота. Во время джутов (бескормицы) лошадей специально пригоняли к зимовкам. Интересное описание использования лошадей в период гололедицы привел собиратель казахских этнографических материалов XIX в. подполковник М. Чорманов: «В случае заледенения поверхности поля, киргизы выгоняют на него лошадей и заставляют их бегать по льду до тех пор, пока он не искрошится. Или же поступают так: привязывают к концам большого, тяжелого бревна аркан и, впрягши в него лошадь, гоняют ее по обледенелому месту» [14; 26]. Безусловно, лошади не были полностью застрахованы от природных катаклизмов, и джуты в своих особо тяжелых формах, также наносили значительный урон коневодческим хозяйствам. Однако джуты носили преимущественно локальный характер и редко охватывали большие территории. Способность казахских лошадей к тебеневке, проходить большие расстояния позволяли казахам избегать их массового падежа даже в зимний период. М.О. Ауэзов, в своем указанном вышеромане, демонстрирует отношение казахов Чингистау к лошадям: «И тут добрым словом поминали стойкость и выносливость коня.

– Лошадь не поддается джуту!

– Была бы на земле травинка, конь по ребра в снег зароется, а ее добудет! На коня всегда можно надеяться, — говорили хозяева.

– Лошадь другому скоту не чета! Она, где траву найдет, с того места не тронется, в самый сильный буран по ветру не пойдет.

– Какой скот с конем сравнится! У коня и топор и мотыга при нем!» [18; 560].

Письменные источники свидетельствуют о том, что ареал кочевания казахов Чингистау, до введения ограничительных мер царскими властями, был достаточно обширным. Например, большая часть тобыктинцев вместе с другими аргынскими родами прикочевывали в Центральный Казахстан, к долине реки Нура: «Ни к одному из показанных здесь мест не собирается столько киргизцов (*казахов*. — Авт.), как к реке Большой Нуре. Весь Каркаралинский округ, волости: Табуклинская (*тобыктинская*. — Авт.), Карпытская (*карпытская*. — Авт.), Туртугульская (*туртуульская*. — Авт.), Кайгенгалинская (*канжыгалинская*. — Авт.), Аталавская (*атыгайская*. — Авт.), Алтайская и Караульская, туда приходят. Они по привольным пастбищам занимают более, нежели на сто верст пространство, покрытое юртами и табунами», — пишет исследователь начала XIX в. С. Броневский [19; 78, 79].

Стеснения в пастбищах сказались, прежде всего, на коневодческой отрасли скотоводства казахов. Дореволюционный исследователь Л.К. Чермак отмечал, что: «...всякое стеснение в пастбищах отражается на скоте, что тотчас же улавливается привычным киргизом. Особенно показательна в этом отношении лошадь. Иногда киргиз оставляет пастбище и переходит на новое, — хотя для неопытного глаза оно почти не использовано, — только потому, что лошадь «не мажется», что на пастбище отсутствуют травы, способствующие нагулу. Прочий скот менее прихотлив в этом отношении, чем лошадь, и понятно, что стеснения в пастбищах, прежде всего, сказываются на сокращении конских табунов» [20; 236]. Начиная со второй половины XIX в. под влиянием различных факторов, прежде всего внешних, наблюдаются изменения в системе хозяйствования казахов Чингистау.

Организация стационарных поселений-кыстау. Во второй половине XIX в. казахи региона стали переходить на полукочевое/полуоседлое скотоводство, характерной особенностью которой является появление стационарных поселений на зимовке — кыстау.

Чингистау был очень популярен среди казахов по причине наличия здесь удобных урочищ для обустройства зимних стоянок. В «Материалах по киргизскому землепользованию...» по этому поводу содержится следующая информация: «Все ущелья, особенно те, которые открыты господствующему

SW ветру, забиваются глубоким снегом, как и ущелья, лежащие в непосредственной близости главного хребта Чингисских гор. Вследствие этого главная масса киргизских зимовок расположена на восточной стороне Чингизского кряжа, в его предгорьях. Главные пастбища представляют эти северо-восточные предгорья, с которых SW ветер, дующий через Чингис, сдувает снежный покров, обнажая растительность и землю, как метафорически выражаются здешние киргизы «насыбайлык кар джок», т.е. нет снега даже на понюшку табака, который смачивают каплями воды» [15; 36, 37]. Примечательно, что авторство данного описания принадлежит казахскому государственному деятелю и ученому Алихану Букейханову. А. Букейханов, работая в составе экспедиции Ф. Щербины, составил природно-географическую и хозяйственную характеристику пастбищных районов (с 1-й по 27-ю) Семипалатинского уезда [15; 1–54].

Изучение поаульных таблиц, составленных участниками статистической экспедиции, показывает, что лучшие для обустройства зимников урочища Чингистау занимали влиятельные родовые кланы. Как отмечает исследователь А.З. Бейсенов в чингистауских волостях аулы Медеу Оразбаева, Абая Кунанбаева, его сына Магауи, родственников Исхака Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева были достаточно состоятельными. Аул Медеу Оразбаев, зимовки имел в одном из лучших урочищ, расположенных в горах Шунай. А.З. Бейсенов указывает на то, что «фольклор приписывает Оразбаю Аккулиеву, основателю зимовки, слова о том, что «если его не поддержит Худай», т.е. Бог, «то спасет Шунай», в которых действительно содержится намек на благоприятное местоположение зимовки» [3; 38]. Образ Оразбая получил негативное освящение в романе М. Ауэзова, что, по мнению исследователей последних лет (литературоведов, краеведов), связано с идеологическими установками того времени. Состоятельный человек в дореволюционном полуфеодалном казахском обществе, согласно советской цензуре, априори не мог быть хорошим человеком. Поэтому М. Ауэзов был вынужден идти в некоторых случаях на сознательное искажение образа отдельных людей. В последние годы произошла значительная переоценка личности Оразбая. Народная память характеризует его как человека характерного, обладавшего качествами хорошего хозяйственника и управленца. К тому же он был известен на всю округу своей щедростью и меценатством [21; 59]. Относительно его богатства народная память сохранила информацию, что в его табуне одних только лошадей чубарой масти насчитывалось более трех тысяч. Точные сведения о количестве скота у Оразбая Аккулулы приведены в «Материалах по киргизскому землепользованию...», согласно которым он имел 4560 лошадей [15; 146–153].

Зимовка Оразбая Аккулулы расположенанадалеко от села Медеу в Абайском районе Восточно-Казахстанской области, у подножья уже упомянутой горы Шунай. Впервые зимовка была обследована в 2005 г. участниками Сарыаркинской экспедиции Института археологии им. А.Х. Мурагулана. На месте зимовки наблюдаются развалы двух больших жилищных строений, построенных с использованием камня и сырцового кирпича. Рядом расположены две могилы из сырцового кирпича, в одной из которых погребен сам Оразбай. В изголовье его сыновьями была установлена надгробная стела (күлпытас), изготовленная по специальному заказу в Бухаре. В 2,5–3 км к северо-востоку от зимовки расположен колодец Оразбая. Именно сюда на водопой пригонялись многотысячные табуны лошадей Оразбая [22; 26–29].

Указанный в поаульных таблицах «Материалов по киргизскому землепользованию...» Ибрахим (Абай) Кунанбаев, зимовавший в урочище Жидебай, также имел достаточное количество скота. Члены экспедиции фиксируют, что ему принадлежало 868 лошадей [15; 162–164]. Безусловно, первое и главное условие для содержания такого количества скота — это наличие достаточных пастбищных угодий, чем и отличались места проживания Оразбая и Абая. Необходимо отметить, что нельзя воспринимать упомянутых личностей единоличными владельцами всего записанного за ними скота. Например, административный аул № 1 Чингистауской волости, который возглавлял Абай Кунанбаев, включал в себя 30 семей. Статисты Ф. Щербины приводят данные по количеству скота по каждой отдельно взятой семье, показатели которых были гораздо скромнее, чем у главы аула. Вместе с тем, надо учесть, что все эти семьи составляют одну общину и соответственно богатство отдельно взятого человека, в данном случае Абая, только условно можно считать индивидуальным. Специфика организации казахской традиционной общины заключается в том, что богач и его менее состоятельные родичи были связаны между собой системой родства. Соответственно, функционировала сложившаяся и отработанная веками система родственно-родовой кооперации. Исследователями отмечается размытость социального и институционального «контура» отношений собственности на скот у кочевников. Этнолог Н.А. Алимбай считает, что индивид здесь является лишь владельцем и пользователем

скота в рамках большой семьи-общины [5; 50]. Богач в понимании скотоводов-казахов был счастливецом, его называли «құт қонған адам» — человеком, отмеченным Создателем. Считалось, что его благополучие, по сути, и есть благополучие всех сородичей. В народе о таком человеке говорили, что он «рудың (елдің) құты», т.е. человек, притягивающий богатство и благополучие всему роду. Такими людьми для казахов рода тобықты были богачи и биы, такие как Кунанбай би, Оразбай Аккулулы и другие.

В этнографической традиции казахов Восточной Сарыарки обустроенные на зимниках стационарные постройки назывались «қора», которые строились из самого разнообразного материала (камень, дерна, сырцового кирпича). Такие постройки включали в себя жилую часть и хозяйственные помещения, связанные между собой в единую систему конструкций. В хозяйственных помещениях могли содержать окотившуюся скотину, хранить сено для молодняка, кизяк и т.п. Чаще всего это так называемые «земляные или землейбитые дома, с каменным основанием». В дореволюционных источниках такие постройки называются — «шым уй» (букв. означает «дерновый дом»). А.З. Бейсенов следующим образом описывает «шым уй» казахов: «На самом деле такие казахские «дома», т.е. зимовки, имели снизу мощное каменное основание, довольно высокое, и верхнюю часть стен, сложенную из самана или дерна; на кровле также использовался дерн, поверх деревянного настила. Получается каменно-земляное строение» [3; 52].

Расположение и планировка казахских домов второй половины XIX–начала XX вв., отсутствие посевных площадей и ирригационных сооружений свидетельствуют о том, что в них жили люди, занимавшиеся скотоводством. В это время казахи региона все еще не рассматривали земледелие в качестве продуктивного вида хозяйственной деятельности. Отметим, что и современное население региона также лишь непродолжительное время содержит свой скот в стойловых сооружениях. Хотя местные жители и заготавливают необходимое на зиму количество сена, тем не менее, домашний скот преимущественно (за исключением дней, когда устанавливается неблагоприятная погода) выпасается в прилегающих к селам пастбищах, и только на ночь пригоняется в аулы.

К казахским поселениям-кыстау привязан большой пласт историко-культурной информации, связанный с событиями того времени, с известными историческими личностями. Среди зимовок Чингизтау имеются такие объекты, которые имеют сакральное значение для местных жителей. Безусловно, в первую очередь, это урочище Жидебай и другие места, связанные с именем Абая. Кроме того, здесь расположены еще несколько сакрализованных местным населением объектов, связанных с именами известных личностей XVIII–XIX вв. Например, это места, связанные с именем почитавшегося святым провидца Нысан абыза, зимовка Кунанбай бия в Акшоқы, зимовка Айгерим (жены Абая) на Аралтобе и др.

Выводы

В целом, обобщая изложенное выше можно отметить, что специфика организации труда в скотоводческих хозяйствах в летние и зимние периоды во многом обуславливалась места расположения казахских аулов в Чингизтау, степень их концентрации и дисперсности в различные времена года. Начиная со втор. пол. XIX в., наблюдаются изменения в системе хозяйствования казахов региона. Традиционная всадническая культура казахов переживает кризис. Наиболее распространенным видом хозяйственной деятельности становится полукочевое/полуоседлое скотоводство, при котором значительно сокращалась протяженность перекочевков. Для него были характерны пастбищно-полустойловая система содержания скота, сенокосение, пребывание в зимний период на одном месте. В этот период в рассматриваемом нами регионе увеличивается количество стационарных построек.

В регионе имеется еще немало поселений-кыстау, которые перспективны в плане этноархеологических исследований. Эти зимовки и места их расположения представляют собой интересные образцы организации хозяйственно-бытового пространства в период трансформации хозяйственного уклада казахов. Кроме того, изучение топографии и строительно-конструктивных решений казахских поселений, отдельных стационарных жилищ имеет большое значение для реконструкций типов жилищ поздних скотоводов. Также необходимо отметить, что население Чингизтауского региона хорошо сохраняет этнографические традиции казахов Сарыарки, являясь коллективным носителем национальной культуры, что делает перспективным проведение широких этнографических исследований в регионе.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Всадническая культура казахов Сарыарки в XVIII–XIX вв. (историко-этнографическое исследование)». ИРН гранта — AP09562202.

Список литературы

- 1 Дукомбайев А.Т. Типология оседлых памятников кочевников казахских степей / А.Т. Дукомбайев // Материалы LIX росс. археол.-этнограф. конф. студ. и мол. ученых. — Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2019. — С. 207–209.
- 2 Турганбаева Л.Р. К проблеме изучения объемно-планировочной структуры традиционного казахского поселения / Л.Р. Турганбаева // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. — 2020. Т. 7, № 3 (27). — С. 104–111.
- 3 Бейсенов А.З. Поселения сакской эпохи: моногр. / А.З. Бейсенов — Алматы: Бегазы-Тасмола, 2017. — 208 с.
- 4 Бейсенов А.З. Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. — Вып. XXVI. — Барнаул: Изд. Алт. гос. ун-та, 2020. — С. 229–240.
- 5 Алимбай Н. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории / Н. Алимбай. — Алматы: Гылым, 1998. 234 с.
- 6 Халид К. Тауарих хамса (Бес тарих) / К. Халидауд, Б. Төтенаев, А. Жолдасов. — Алматы: Қазақстан, 1992. — 304 б.
- 7 Шэкәрім. Қазақ айнасы. Өлеңдер мен поэмалар. / Шэкәрім. — Алматы: Атамұра, 2003. — 296 б.
- 8 Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / И.Г. Андреев. — Алматы: Гылым, 1998. — 280 с.
- 9 Жанболатұлы М. Тобықты — Шыңғыстау шежіресі. I-т. / М. Жанболатұлы. — Семей: Курсив, 2004. — 520 б.
- 10 Материалы по истории политического строя Казахстана. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. — 441 с.
- 11 Востров В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов: (кон. XIX–нач. XX вв.). / В.В. Востров — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1968. — 256 с.
- 12 Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям / А. Янушкевич. — Алма-Ата: Казахстан, 1966. — 268 с.
- 13 Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. проф. С.Д. Асфендиярова и проф. П.А. Кунте. — 2-е изд. — Алматы, 1997. — Сб.1 (V в до н.э. — XVIII в.н.э.). — 383 с.
- 14 Чорманов М. Казахские народные обычаи / М. Чорманов; сост. А.М. Канафина. — Караганда, 2000. — 103 с.
- 15 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные экспедицией по исследованию степных областей. — Т. 10. Семипалатинская обл., Семипалатинский уезд. — СПб., 1909.
- 16 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. / А.И. Левшин — Алматы: Санат, 1996. — 656 с.
- 17 Радлов В.В. Из Сибири / В.В. Радлов — М.: Наука, 1989. — 749 с.
- 18 Ауэзов М. Путь Абая: Роман. Т. II. / М. Ауэзов — Алма-Ата: Жазушы, 1977.
- 19 Броневский С. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды / С. Броневский // Отечественные записки. Ч. XLIII. Кн. СХХIII. — СПб., 1830. — С. 70–97.
- 20 Чермак Л.К. Киргизское хозяйство в Степном крае // Район железной дороги Петропавловск–Спасский завод в экономическом отношении / Л.К. Чермак. — СПб., 1912. — С. 215–256.
- 21 Теміров Б. Саржал. Ауылымның тарихы — елімнің тарихы. Тарихи-деректі хикая. / Б. Теміров. — Семей: «Интеллект», 2017. — 409 б.
- 22 Үмітқалиев Ұ.Ұ, Абыралы—Шыңғыстау өңірінде 2005 жылы жүргізілген археологиялық ізденістердің кейбір қорытындылары / Ұ.Ұ. Үмітқалиев, А.З. Бейсенов // «Тарихи мәдени мұраны зерттеу және сақтау мәселелері» атты Республикалық ғыл.—практ. конф. мат.(14 желтоқсан 2005 ж.). — Алматы: Қазақ университеті, 2006. — Б. 24–30.

Ә.Т. Жәнісов, Ұ.Ұ. Үмітқалиев, С.Ғ. Есен

XIX ғасырдың екінші жартысы — XX ғасырдың басындағы Шыңғыстау мал бағушыларының шаруашылық жүйесі: қазақтардың атқа міну мәдениетінің трансформациясы

Мақалада жаңа дәуір кезіндегі мал шаруашылығын кәсіп еткен қазақтар үшін Шыңғыстау өңірінің маңызы зерттелген. Жоңғарлардан жерді азат еткеннен кейінгі уақытта өңірді қайта мекендеген қазақтардың рулық-тайпалық құрылымы сипатталған. Жоңғарлар ығыстырылғаннан кейін Шыңғыстауды иелену құқығы үшін қазақ рулық топтары арасындағы жер даулары шиеленісе түсті, осы өңірдің тартымдылығы бұл жерде жылқы шаруашылығы мен қой өсіру үшін қолайлы жағдайлардың болуымен байланысты болды. XIX ғасырдың екінші жартысынан бастап өңірде жартылай

көшпелі/жартылай отырықшы мал шаруашылығына көшу үдерісі басталып, шаруашылықтың жаңа түрлері пайда бастады. Осы уақытта қыстауларда тұрақты стационарлық тұрғын үйлер жаппай салынған. Мал бағушылар бірлестіктеріндегі шаруашылық жүргізу жүйесін және қыстауларда тұрақты қоныстарды ұйымдастыру ерекшеліктерін зерделеу ХІХ ғасырдың екінші жартысы мен ХХ ғасырдың басындағы қазақ қоғамындағы тіршілікті қамтамасыз ету жүйесінде орын алған өзгерістерді байқауға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: қазақтар, малшылар, Шыңғыстау, Сарыарқа, жылқы шаруашылығы, қой шаруашылығы, қыстау, шаруашылықтың трансформациясы, атқа міну мәдениеті.

A.T. Zhanissov, U.U. Umitkaliev, S.G. Yessen

The economic system of Chingistau cattle breeders in the second half of the 19th — early 20th centuries: transformation of the equestrian culture of the Kazakhs

This article examines the economic importance of the Chingistau region for the Kazakhs-pastoralists of the new era. It was described the tribal structure of the region, which developed after the re-settlement of the region by Kazakhs in the post-Dzhungar period. After the displacement of the Dzhungars, land disputes between the Kazakh clan groups for the right to possess Chingistau intensified, the attractiveness of which was associated with the favorable conditions for the development of horse breeding and sheep breeding here. Starting from the second half of the 19th century, new forms of organizing economic activity began to emerge in the region, characterized by signs of a transition to semi-nomadic/sedentary cattle breeding. At this time, stationary dwellings were massively built at wintering kystau. The study of the economic system in cattle-breeding associations and the peculiarities of the organization of the Kazakh kystau allows tracing the transformation of the life support system of the Kazakh society in the second half of the 19th — early 20th centuries.

Keywords: Kazakhs, cattle breeders, Chingistau, Saryarka, horse breeding, sheep breeding, kystau, transformation of the economy, equestrian culture.

References

- 1 Dukombaiev, A.T. (2019). Tipologiya osedlykh pamiatnikov kochevnikov kazakhskikh stepei [Typology of settled monuments of the nomads of the Kazakh steppes]. *Materialy LIX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh — 2019* — Materials of the LIX Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists 2019 Blagoveshchensk: Izdatelstvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, — 207–209 [in Russian].
- 2 Turganbaeva, L.R. (2020). K probleme izucheniia obicemno-planirovochnoi struktury traditsionnogo kazakhskogo poseleniia [On the problem of studying the space-planning structure of a traditional Kazakh settlement]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki — Bulletin of the Omsk University. Series: Historical Sciences*, 7, 3 (27), 104-111 [in Russian].
- 3 Beisenov, A.Z., Shulga, P.I., & Loman, V.G. (2017). Poseleniia saksnoi epokhi [Settlements of the Saka era. Monograph.]. *Almaty: Begazy-Tasmola*, 208 [in Russian].
- 4 Beisenov, A.Z. (2020). Chingistau. Razmyshleniia u staroi zimovki Abaia [Chingistau. Reflections at the old wintering of Abai]. *Sokhraneniie i izucheniie kulturnogo naslediiia Altaiskogo kraia. Sokhraneniie i izucheniie kulturnogo naslediiia Altaiskogo kraia: sbornik nauchnykh statei. Vyp. XXVI.* — Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 229-240 [in Russian].
- 5 Alimbai, N., Mukanov, M.S., & Argyubaev, Kh. (1998). Traditsionnaia kultura zhizneobespecheniia kazakhov. Ocherki teorii i istorii [Traditional culture of life support of Kazakhs. Essays on theory and history]. *Almaty: Gylym*, 234 [in Russian].
- 6 Khalid, K. (1992). Tauarikh khamsa [Tauarikh Hamsa]. (B. Totenov, A. Zholdasov, Transe). *Almaty: «Qazaqstan» baspasy.*, 304 p. [in Kazakh].
- 7 Shakarim. (2003). Qazaq ainasy. Olender men poemalar [Kazakh mirror. Poems and epics]. *Almaty: Atamura baspasy* [in Kazakh].
- 8 Andreev, I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of Kirghiz-Kaisaks]. *Almaty: Gylym*, 280 [in Russian].
- 9 Zhanbolatuly, M. (2004). Tobyqty – Shyngystau shezhiresi [Tobykty Chronicle of Chingistau]. 1-tom [vol. 1] Semei: «Kursiv» baspasy [in Kazakh].
- 10 *Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana (1960)*. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. *Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR* 441 [in Russian].

- 11 Vostrov, V.V., & Mukanov, M.S. (1968). Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX – nachalo XX) [Tribal composition and settlement of Kazakhs: (late 19th - early 20th)]. Alma-Ata: Nauka, 256 [in Russian].
- 12 Ianushkevich, A. (1966). Dnevnik i pisma iz puteshestviia po kazakhskim stepiam [Diaries and letters from a journey across the Kazakh steppes]. Alma-Ata: Kazakhstan, 268 [in Russian].
- 13 Proshloe Kazakhstan v istochnikakh i materialakh (1997). [The past of Kazakhstan in sources and materials]. Almaty, Sat 1 (5 century BC - 18 century AD) 383 [in Russian].
- 14 Chormanov, M. (2000). Kazahskie narodnye obychai [Kazakh folk customs]. Karaganda, 103 [in Russian].
- 15 Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniuu, sobrannnye ekspeditsiei po issledovaniuu stepnykh oblastei (1909). [Materials on Kyrgyz land use collected by an expedition to explore the steppe regions]. T. 10. Semipalatinskaia obl., Semipalatinskii uезд. – Saint Petersburg [in Russian].
- 16 Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 656 [in Russian].
- 17 Radlov, V.V. (1989). Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow: Nauka, 749 [in Russian].
- 18 Auezov, M. (1977). Put Abaia: Roman. [Abai's Way: A Novel]. Т. II. – Alma-Ata: Zhazushy [in Russian].
- 19 Bronevskii, S. (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy [Notes of Major General Bronevsky about the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennye zapiski — Fatherland notes*. SPb., 1830. Ch. XLIII. Kn. CXXIII. – S. 70–97 [in Russian].
- 20 Chermak, L.K. (1912). Kirgizskoe khoziaistvo v Stepnom krae [Kyrgyz economy in the Steppe Territory]. *Raion zheleznoi dorogi Petropavlovsk — Spasskii zavod v ekonomicheskoi otnoshenii — Railway area of the Petropavlovsk-Spassky plant economically*, Saint Petersburg, 215-256 [in Russian].
- 21 Temirov, B. (2017). Sarzhal. Auylymnyn tarikhi – elimnin tarikhi. Tarikhi-derekti khikaia [Sarzhal. The history of my village is the history of my country. Historical and documentary story]. Semei: «Intellect» baspasy [in Kazakh].
- 22 Umitkaliev, U.U., & Beisenov, A.Z. (2006). Abyraly – Shyngystau onirinde 2005 zhyly zhurgizilgen arkheologiialyq izdenisterdin keibir qorytyndylary [Some results of archeological excavations carried out in 2005 in the Abyraly-Chingistau region]. «Tarikhi madeni murany zertteu zhane saqtau maseleleri» aty Respublikalyq gylimi–praktikalyq konferentsiia materialdary. *Materials of the Republican scientific-practical conference «Problems of research and preservation of historical and cultural heritage»*, Almaty: “Qazaq University”, (pp. 24-30) [in Kazakh].